

Ангелина Сергеевна Ващук¹ (va_lina@mail.ru)
Галина Геннадьевна Ермак¹ (gaermak@yandex.ru)

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ УЗБЕКИСТАНА В ПРИМОРЬЕ: ВЛАСТЬ — МИГРАНТЫ — ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО (НАЧАЛО ХХІ В.)²

В статье анализируются факторы формирования узбекского трудового потока в России в начале ХХІ в., особенности пребывания граждан из Узбекистана на приграничной территории — в Приморском крае. Исторический процесс раскрывается на базе методологии социальной истории, в частности в формате теории социальной трансформации. Основной исследовательский вопрос заключается в выявлении взаимосвязей между миграционной политикой, изменениями масштабов трудовой миграции и коммуникациями в условиях общества, находящегося на этапе социальной трансформации, который рассматривается как «общество травмы». Изменения в миграционном потоке и коммуникативные практики граждан из Узбекистана, находившихся в Приморском крае, проанализированы в системе «власть — мигранты — принимающее сообщество». В результате проведённого исследования доказано, что трудовые мигранты из Узбекистана в начале ХХІ в. являлись одним из источников формирования в регионе нового класса — прекариата. В статье делается вывод о том, что решение политиками проблемы дефицита рабочей силы за счёт иностранной трудовой миграции усиливало состояние «социальной травмы» в дальневосточном социуме. Практики коммуникации не были достаточными для предотвращения конфликтности между принимающим сообществом и трудовыми мигрантами, хотя в изучаемый период она носила латентный характер.

Ключевые слова: Россия, Приморский край, Узбекистан, политика, трансграничные миграции, трудовые мигранты, социальная трансформация, коммуникационные практики.

Angelina S. Vashchuk¹ (va_lina@mail.ru)
Galina G. Ermak¹ (gaermak@yandex.ru)

LABOR MIGRANTS FROM UZBEKISTAN IN PRIMORYE: POWER — MIGRANTS — HOST COMMUNITY (THE EARLY 21ST CENTURY)

The article analyzes the factors of the formation of the Uzbek labor flow in Russia at the beginning of the XXI century, the special features of the stay

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

² Авторы выражают благодарность эксперту — руководителю ПРОО «Миграция» С.Г. Пушкарёву за консультирование по ряду вопросов.

of citizens from Uzbekistan on the border areas — in the Primorsky Krai. The historical process is disclosed on the basis of the methodology of social history, in particular, in the format of the theory of social transformation. The main research question is the identification of the relationship between migration policy, changes in the scale of labor migration and communications in a society at the stage of social transformation. This stage is regarded as a Trauma Society. Changes in the migration flow and communicative practices of staying citizens from Uzbekistan in the Primorsky Krai are analyzed in the system “power — migrants — host community”. As a result of the study, it was proved that in the early 21 century, labor migrants from Uzbekistan were one of the sources of creating a new class “precariat” in the region. The article concludes that the solution by politicians of the problem of labor shortages by attracting foreign labor migration strengthened the state of “social trauma” in the Far Eastern society. Communication practices were not sufficient to prevent conflicts between the host community and labor migrants, although during the researched period, the conflicts were latent.

Keywords: Russia, Primorsky Krai, Uzbekistan, politics, cross-border migrations, labor migrants, social transformation, communicative practices.

ВВЕДЕНИЕ

По характеру миграционных потоков можно судить о степени открытости и демократичности общества, уровне его урбанизированности, эффективности экономики и инфраструктуры, региональных диспропорциях развития, состоянии межэтнических отношений [15, с. 11]. Анализ коммуникационных практик мигрантов также даёт основания для выводов о специфике социальных трансформаций в регионах России. Выделение узбекской составляющей в трудовой миграции начала XXI в. в Приморье в качестве самостоятельного предмета исторического исследования актуально как в силу численного превосходства этого миграционного сегмента в структуре прибывающих из постсоветских государств и стран традиционного зарубежья в край, так и по причине широкого спектра социальных последствий для мигрантов и принимающего сообщества.

Зарубежные трудовые мигранты изучаются гуманитариями в рамках разных дисциплин. Приехавшие на Дальний Восток из Узбекистана рассматриваются чаще всего как рабочая сила [11; 13; 19; 20]. И это вполне закономерно, поскольку вопрос преодоления дефицита трудовых ресурсов в дальневосточной политике всегда был одним из главных, и сегодня он также находится в центре внимания власти и экспертного сообщества. В последние годы появились исследования, в которых раскрываются проблемы адаптации мигрантов на принимающих российских территориях [3; 9].

В данной статье поставлен ряд задач: охарактеризовать двусторонние межгосударственные отношения в сфере миграций — важнейшее условие формирования коммуникационного пространства; проанализировать

количественные изменения в узбекском потоке; выявить потенциал конфликтности как фактора, определяющего среду для коммуникаций; раскрыть практики общения в системе «власть — мигранты — принимающее сообщество» на территории Приморья. Решение данного комплекса вопросов — это основа для понимания социальных последствий рассматриваемого социально-экономического феномена.

В статье применяется метод синтеза инструментария политической, социальной истории и коммуникативного подхода. Форма социальной трансформации нами рассматривается как «общество травмы», данный теоретико-методологический подход разработан Ж.Т. Тощенко, П. Штомпкой и др. [25; 31]. Наш исходный тезис таков: в состоянии «общества травмы» находились не только принимающая сторона, но и страна—донор. Родовой чертой таких обществ, по мнению Ж.Т. Тощенко и его предшественников, является возникновение нового класса — прекариата. Это формирующийся класс, который, с одной стороны, включает разные социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией и стремящиеся построить рациональные связи с другими группами общества и государством, а с другой — представляет собой быстрорастущую прослойку с нестабильным социальным положением и непостоянной занятостью, нерегулярной оплатой труда. Кроме того, мигранты часто подвергаются социальной дискриминации [25, с. 81].

Таким образом, общество, принимающее иностранных трудовых мигрантов, само крайне неустойчиво во многих социальных измерениях. Такой трансформирующийся социум реагирует как на миграционную политику своего правительства, так и на приезжих из других государств. В свою очередь трудовые мигранты находятся дополнительно под большим воздействием экстрактивных (извлекающих ресурсы тех или иных слоёв населения с целью их перераспределения в пользу элиты) институтов и широкого комплекса других факторов. Мы рассмотрим некоторые из них.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ И УЗБЕКИСТАНЕ

После распада СССР Россия и Узбекистан 30 мая 1992 г. заключили «Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве» [10]. Кроме этого документа было подписано свыше 200 договоров и соглашений, регулирующих связи в различных областях; часть из них в силу изменившихся обстоятельств уже утратила актуальность. Первый президент Узбекистана А.И. Каримов (1991—2016) во взаимодействии с Россией придерживался «восточной тактики» — в зависимости от ситуации то поддерживал российскую политику, то жёстко критиковал её. В начале своей деятельности А.И. Каримов иногда даже саботировал интеграционные инициативы России на пространстве бывшего СССР. Так,

во время создания Организации Договора о коллективной безопасности он дважды приостанавливал своё участие в ней. Власти Узбекистана часто производили демонтаж памятников, олицетворяющих героическую борьбу советского народа с врагами в годы Великой Отечественной войны, а также дружбу между народами [7]. На протяжении 1990-х гг. в стране ещё сохранялась низкая активность трудовой эмиграции. Причины этого уже достаточно подробно раскрыты в литературе [1; 18, с. 328—337; 27].

К началу 2000-х гг. ситуация в Узбекистане претерпела значительные изменения. Во-первых, обозначились последствия масштабного сокращения прежних «советских» социальных льгот и бесплатных социальных услуг. Сузились и возможности в сфере челночного бизнеса, популярного в 1990-е гг. Падение уровня жизни населения продолжалось до 2017 г. [8]. В узбекское общество начали транслироваться идеи, которые фактически стимулировали эмиграционные настроения и подталкивали людей к поискам лучших условий для работы в других государствах. В важнейшем документе «Стратегия повышения благосостояния Республики Узбекистан» отмечалось, что «частично проблема занятости высвобождаемой рабочей силы из сельской местности, а также незанятости в городах решается самим населением посредством временной трудовой миграции сельских жителей — в города, а также сельских и городских жителей — за рубеж» [23, с. 31, 47].

Изменение позиций узбекской политической элиты в условиях «общества травмы», которое имело свою национальную специфику в совокупности с наличием в 2000-е гг. большого комплекса факторов, вынуждающих граждан искать работу за рубежом, совпало по времени с разработкой в России новых правил въезда и приёма трудовых мигрантов из стран СНГ (подробнее см.: [6, с. 20—22; 16, с. 72; 21; 29; 30]). Отметим их главные черты.

Революционным изменением стало введение уведомительного характера оформления мигрантами своего пребывания в регионах России³. В законодательстве прослеживалась идея использования миграционной политики и как ресурса поддержки интеграционных процессов в регионе СНГ. 30 января 2007 г. был создан Совет руководителей миграционных органов СНГ, основной задачей которого стало трудоустройство граждан в так называемом цивилизационном русле. На 2007 г. устанавливалась большая квота на выдачу разрешений на работу для мигрантов из стран с безвизовым въездом. В этом же году правительство Узбекистана приняло постановление о совершенствовании системы учёта трудовых мигрантов, выезжающих за рубеж. Между Узбекистаном и Россией был заключён ряд соглашений о трудовой деятельности и защите прав трудящихся мигрантов, о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией, реадмиссии. Соглашения были ратифицированы в Узбекистане

³ Механизм постановки на миграционный учёт предусматривал предоставление мигранту, прибывшему в безвизовом порядке (в том числе из Узбекистана), возможности самостоятельно получать разрешение на работу в короткий срок и по упрощённой процедуре подавать документы в подразделения УФМС.

31 октября 2007 г., в России — в мае 2009 г. В то же время между провозглашённой политикой и реалиями наблюдался разрыв, имевший социальные последствия как для мигрантов, так и для принимающего общества, которое само находилось в состоянии «социальной травмы».

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ ИЗ УЗБЕКИСТАНА — ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕКАРИАТА В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

Период с 2006 по 2008 г. стал определённым рубежом в истории развития миграционных отношений двух государств и отправной точкой роста численности трудовых мигрантов из Узбекистана. Следует заметить, что принимающее сообщество по-прежнему переживало социальные последствия деиндустриализации [2; 14], смены профессионального и отраслевого состава трудовых ресурсов в регионе [17]; продолжало усиливаться и социальное расслоение. Кроме предпринимателей в Приморье появились индивидуальные домохозяйства, также заинтересованные в использовании дешёвой иностранной рабочей силы (ИРС).

Въезд первых трудовых мигрантов из Узбекистана официально был зафиксирован ещё в 2001 г. (табл. 1), то есть до появления важнейших российских нормативных актов, регулировавших пребывание иностранцев [21; 23; 29; 30; 35]. По официальным данным, первую тысячу занятых в экономике края приезжих зарегистрировали в 2005 г. (табл. 1) — уже после принятия первых основополагающих документов [26, с. 36].

До 2005—2006 г. узбекский миграционный элемент не был фактором возбуждения общественных настроений, а управленцы и экспертное сообщество не уделяли ему особого внимания, так как имелись другие проблемы в этой области. Но в эти годы вызревали условия для превращения

Таблица 1

Численность ИРС в Приморском крае в 1996—2012 гг.
(по официальным данным)

Годы	Из стран ближнего зарубежья (СНГ)	Из Узбекистана	ИРС из Узбекистана в % к ИРС из СНГ
1996	224	12	5
2001	1 443	282	20
2005	2 426	903	37
2006	2 695	1 101	41
2007	4 976	3 030	61
2008	10 265	7 008	68
2009	14 999	10 839	72
2010	12 508	8 986	72
2012	20 200	12 500	62

Сост. no: [33].

нового трудового потока в один из социальных источников формирования прекарных отношений. К этим условиям можно отнести сложную и длительную процедуру выдачи разрешений и приёма на работу, принятую в 2002—2004 гг., «зачастую непреодолимую и для мигрантов, и для работодателей» [15].

Пока на различных управленческих уровнях и в экспертном обществе шло обсуждение нового порядка пребывания и трудоустройства мигрантов (в июле-ноябре 2006 г. и начале 2007 г. принималось новое миграционное законодательство в России), в Приморском крае число таковых из Узбекистана, официально занятых, возросло в 3 раза (табл. 1).

Значительная часть трудовых отношений с мигрантами развивалась «в тени», приехавшие оставались вне правовых рамок. К этой проблеме примыкали вопросы бытовой неустроенности [10] и более низкой заработной платы приезжих, что, собственно, и является признаками процесса прекарнизации. Ситуация усугублялась частыми нарушениями мигрантами режима нахождения на территории России. Именно эта сторона повседневности «комплектовала» и дополняла теневой рынок занятости. Подавляющее большинство трудовых мигрантов въезжало в регион законно. Но в дальнейшем некоторые из них утрачивали основания для пребывания, в результате чего переходили в группу нелегальных мигрантов [4]. В ходе сбора полевого материала нами выявлены два случая, когда в домохозяйствах пригорода Владивостока узбеки жили в хороших условиях и трудились около 5 лет, но не покидали территорию домохозяйства, находясь в статусе нелегальных трудовых мигрантов. Конечно, это крайние случаи, когда такого рода отношения складывались при обоюдном согласии работодателя и гастарбайтера.

Политика стимулирования трудовой миграции из Узбекистана влияла на процесс «комплектования» класса прекариата в Приморье. Расширению его низшего слоя способствовали нововведения 2007 г., упростившие въезд на территорию края. Уже в 2008 г. число занятых на предприятиях и в домохозяйствах Приморья узбекских мигрантов по сравнению с 2006 г. увеличилось в 7,7 раза (табл. 1). К 2009 г. выходцы из Узбекистана составили 72% от всех въехавших в край из стран с безвизовым режимом, в общей структуре ИРС они составили 24,8%. Рост числа занятых узбекских граждан резко увеличился в 2011 г. после реализации либеральных мер. В 2012 г., только по официальным данным, их насчитывалось 12 500 чел., то есть в 4,1 раза больше, чем в 2007 г. (табл. 1).

Усиление роли Приморского края в международном взаимодействии также привлекало мигрантов. Согласно ФЗ от 8 мая 2009 г., Правительство РФ установило ускоренный и упрощённый порядок выдачи приглашений на въезд в Россию и разрешений на работу иностранным гражданам, занятым на объектах Саммита АТЭС. Хотя строительство последних велось преимущественно компаниями из Москвы и Центральной России, местный бизнес активно участвовал в субподрядных работах, привлекая ИРС в том числе и из Узбекистана. В исследуемый период оттуда

приезжали в основном этнические узбеки и очень редко киргизы или таджики. Узбеки-мигранты достаточно быстро вытеснили в некоторых сферах рабочую силу из других стран с безвизовым въездом, а также выходцев из КНР («визовиков»).

Приморская элита во главе с губернатором С.М. Дарькиным в период подготовки к Саммиту 2012 г. во Владивостоке проявила особый прагматизм: чтобы не потерять поддержку центра и в тоже время быстро решить проблему дефицита трудовых ресурсов⁴, они отказались от прежней установки на привлечение работников преимущественно из КНР. Труд прибывших из Узбекистана был выгоден также малому и среднему предпринимательству, управляющим компаниям ЖКХ в городах края и домохозяйствам (там выполнялись функции разнорабочих, домработниц, нянь, сиделок, работников на приусадебных участках). К сожалению, авторы не располагают полными сведениями о фактической занятости мигрантов на региональном рынке труда, поэтому вынуждены обратиться к данным о лицах, поставленных на миграционный учёт. Эти сведения указывают на две тенденции: во-первых, на рост численности прибывающих из Узбекистана и их доли в общей структуре поставленных на учёт лиц (исключение составлял 2014 г., когда сказались последствия обвала курса рубля и ужесточения в 2013 г. контроля за пребыванием узбеков в крае и их своевременным выездом из Приморья); во-вторых, наблюдается увеличение оборотов миграции, так как показатель численности приезжих рос также и за счёт более частых въездов и выездов.

По экспертным оценкам, в 2012 г. официально оформлял разрешение на работу лишь каждый пятый из прибывших, до 60% мигрантов из СНГ осуществляло трудовую деятельность нелегально или с нарушением

Таблица 2

Численность граждан Узбекистана, поставленных на миграционный учёт в Приморском крае в 2012–2019 гг.

Годы	Прибыли из стран ближнего зарубежья (СНГ)	Из Узбекистана	% граждан Узбекистана от числа зарегистрированных из СНГ
2012	62 348	43 396	70,00
2013	45 293	30 165	67,00
2014	43 490	15 576	36,00
2015	77 646	49 004	63,11
2016	80 034	54 736	68,39
2017	105 248	78 736	68,07
2018	119 313	91 611	76,78
2019	138 069	106 221	76,93

Сост. по: [34; 35].

⁴ При этом С.М. Дарькин и большая группа экспертов были сторонниками привлечения мигрантов из КНР и ограничения трудового потока из Узбекистана.

установленных миграционным законодательством правил. Лица, не связанные официальными трудовыми договорами, нередко вынуждены были получать более низкую зарплату, чем это предполагал вид работы данной квалификации.

Прекаризация отношений в системе «мигранты — работодатели» обусловлена не только низкой степенью законопослушности и первых, и вторых, но и, как утверждают эксперты, зачастую наличием множества нестыковок в российском законодательстве, которое неоднократно менялось [16]. В начале XXI в. происходил поиск лучшей модели управления трудовыми потоками, в результате чего менялась ведомственная принадлежность организационных структур. Внедрение новых инициатив не ликвидировало бюрократического произвола и коррупции. Всё это влияло на судьбы людей, которые попадали в условия неустойчивого положения, что приводило даже к трагическим случаям. В целях безопасности в России повышались требования к мигрантам из ряда стран СНГ, в том числе из Узбекистана: стали необходимыми приобретение патента, знание русского языка, были установлены квоты и др. Но здесь следует подчеркнуть, что эти требования относятся к миграционному режиму, а не к характеристикам прекарных отношений. Только в случае нарушения прав мигранта можно говорить о дискриминации.

Оба государства предпринимали шаги по совершенствованию отношений в сфере миграционной политики. В 2017 г. в Россию совершила визит делегация Минтруда Узбекистана; сторонами было подписано «Соглашение о трудовых мигрантах» [22]. Узбекские власти настойчиво просили об объявлении широкой амнистии для своих незаконно находившихся на территории России трудовых мигрантов [28]. Однако несмотря на расширение российско-узбекских взаимоотношений, власти Приморья в 2019 г. в целях безопасности запретили мигрантам из этой страны работать по патентам в некоторых отраслях, например, в сфере транспортного обслуживания во Владивостоке.

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ ИЗ УЗБЕКИСТАНА

Рассматривая присутствие в Приморском крае трудовых мигрантов из Узбекистана в рамках социальной истории, мы показали, что они являлись одним из источников трансформации социальной структуры регионального сообщества. Решение проблемы дефицита рабочей силы за счёт ресурсов иностранной трудовой миграции усиливало состояние «социальной травмы» в дальневосточном социуме. Это был ещё один фактор, который обусловил конфликтность в территориальном социуме. В перечень «претензий» местных жителей к мигрантам входили представления о том, что приезжие не знают русского языка и местных норм поведения, изменяют этнический состав населения, занимают рабочие места, усиливают

криминогенность. Одной из составляющих дискурса на тему угроз и рисков со стороны мигрантов стала проблема исламского терроризма и экстремизма, формирующая этнофобии в отношении выходцев из бывших советских среднеазиатских республик. Примечательно, что многие приморцы относят китайцев к категории «свои», а «узбеков» — «чужие» [12, с. 410—411]. По мнению экспертного сообщества, с мигрантами из Узбекистана связаны наибольшие риски безработицы, межнациональных конфликтов, культурной адаптации и интеграции по сравнению с ИРС из других стран (рис. 1).

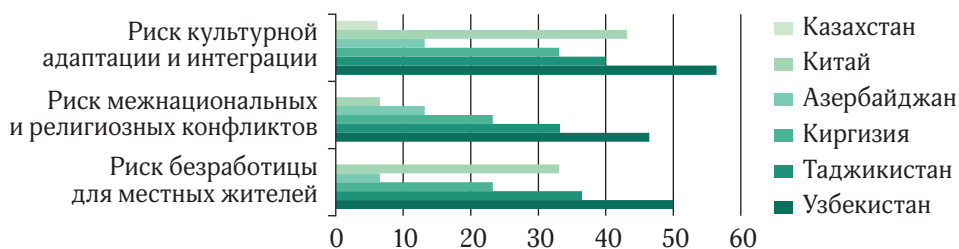

Рис. 1. Рейтинг рисков для жителей Приморского края, вызванных присутствием ИРС [12, с. 395—396]

Результаты изучения общественного мнения также показывают, что негативные эмоции у русских более всего вызывают приезжие с Северного Кавказа (16% респондентов испытывают к ним неприязнь, раздражение и страх) и из стран Средней Азии (14,4%). Если рассматривать отношение к мигрантам в связке с прекаризацией труда, то можно обратиться к следующим высказываниям: «Мигранты из Средней Азии занимают малооплачиваемые рабочие места, а у местных есть претензии к более высокооплачиваемой работе и статусу»; «Эмигрант меньше получил, а мне больше начислили. Местные не хотят работать за те копейки, за которые соглашаются мигранты, надо влиять на работодателя, чтобы он создавал хорошо оплачиваемые рабочие места для любого человека» [36]. Положительно оценивая работу мигрантов, приморцы дают им такие характеристики: «косячат, но учатся быстро», «будут знать язык, будут хорошо работать», «мне узбеки не конкуренты, а вот с моими детьми их дети уже, наверное, будут на равных» [5, с. 51].

С одной стороны, это свидетельствует о том, что местное население уже рационализирует свои отношения с трудовыми мигрантами, а с другой — приезжим отводит более низкий социальный статус, хотя в реальности и само частично принадлежит к прекариату. Таким образом, трудовая миграция стала одним из источников развития прекарных отношений, одновременно способствуя социальной напряжённости, сохранению условий для конфликтности. Прекаризация приморского социума вкупе с этнофобиями — это питательная среда для антимигрантских настроений, поддерживающих низкий уровень коммуникаций с нацеленными на поиск средств к существованию приезжими. К тому же специфика становления и дальнейшей организации малого и среднего бизнеса в крае также оказывала влияние на коммуникативные формы.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ПЛОЩАДКИ

Перепись 2010 г. показала, что по численности узбеки в Приморском крае вошли в пятёрку лидеров, оттеснив белорусов на 6-е место. Новое поколение, выросшее в постсоветском государстве Центральной Азии, принимая вызов «социальной травмы» у себя на родине, стало обладать большой мобильностью и активностью в поисках источников заработка. Именно в первые годы численного всплеска группы узбекских трудовых мигрантов начали складываться их коммуникативные практики.

Условно их можно разделить, согласно принятой нами концепции, на два уровня. Первый — это официально-формальный, представленный с обеих сторон институтами, которые в реальной жизни обладают ресурсами для получения социально значимой информации, необходимой как для мигрантов, так и принимающего сообщества. Второй уровень включает практики неформальных социальных институтов, повседневные способы получения трудовым мигрантом информации о принимающем сообществе и тех социальных и культурных изменениях, которые происходят на его этнической родине. Главной официальной коммуникативной площадкой являются специализированные органы управления. Система таких учреждений задаёт формат обмена информацией на местах и является одним из главных интеграторов правовых и социальных отношений в миграционной сфере в России. Этот институт уже достаточно хорошо проанализирован в литературе, в связи с чем мы более подробно остановимся на другой коммуникативной площадке.

Официальный уровень

Важнейшим условием с позиции принимающей страны является официальное признание властью образованных национально-культурных объединений, которые занимаются проблемами мигрантов на местах. В Приморье одной из площадок в коммуникативной цепочке между властью и обществом на протяжении девяти лет выступает Общественная организация узбеков и уроженцев Узбекистана «Адолат» («Справедливость»). Выбранная ею стратегия демонстрирует позицию, ориентированную на соблюдение определённых «коммуникативных правил», включая умеренную критику власти по вопросам приёма трудовых мигрантов. «Адолат» — это типичная информационная и посредническая площадка, характерная для большинства регионов России, действующая в системе всего городского сообщества. Анализируя выступления главы организации Б. Нуракова, а также материалы о взаимосвязях объединения с официальными государственными учреждениями, можно сделать следующий вывод: «Адолат» представляет собой площадку накопления ресурсов социального обмена, в то же время это информационный канал и точка сбора информации. Решающую роль здесь играет то, что организация признаётся разными властными структурами Приморья, в том числе администрациями

края и г. Владивостока, которые возлагают на неё задачу разрешения ряда проблемных вопросов. Организация концентрирует информацию, которая востребована и принимающим сообществом, и этнической группой, выступает в качестве представителя диаспоры. Более того, эта структура предоставляет важнейшую информацию и для экспертов.

Во Владивостоке появилось и действует частное агентство «Трудовые ресурсы», которое возглавляет Д. Дега, имеющий юридическое образование. Агентство имеет официальные контакты с Министерством занятости и трудовых отношений Узбекистана и лицензированными частными агентствами занятости. Сотрудники реализовали важный проект «Сегодня мигрант — завтра дальневосточник!», в рамках которого получили социокультурную информацию о 120 трудовых мигрантах из Узбекистана. Это, конечно, очень небольшое количество, если учесть, что в 2018 г. оттуда прибыло 78 тыс. чел. Как свидетельствуют материалы, процесс развития некоммерческого сектора, ориентированного на мигрантов, происходит в Приморье недостаточно интенсивно.

Неформальный уровень

В качестве одной из его площадок мы рассмотрели рынок на ул. Спортивной, где ежедневно на бытовом уровне взаимодействуют местные жители и мигранты. Как отмечают информанты, здесь они могут узнать о возможностях занять нишу на рынке труда или получить «серые» кредиты при организации своего дела. В этой связи, например, среди приехавших из Узбекистана пользуется авторитетом «бухарская группа» [32]. Сегодня основным способом познания мигрантами быта россиян являются домохозяйства. Наиболее крупной группой занятых в хозяйствах приморских частных в 2016 г. стали граждане Узбекистана — 9,4 тыс. чел. (второе место по численности занимали китайцы — 8,4 тыс. чел.).

Из общения с информантами становится очевидным и другое: именно от своих «хозяев» (этот термин довольно часто употребляется в речи мигранта-узбека) они получают разные сведения о странах, о которых ничего или мало что знали до приезда, например, о Таиланде, Вьетнаме, Республике Корея. Тем не менее информация попадает к ним чаще всего косвенным путём: через наставления, рассказы об отношении к труду; иногда они сами интересуются, почему хозяева там живут по несколько месяцев.

Узбеки ценят особый способ установления обратных связей — продолжение знакомства с людьми, встретившимися во время выполнения работы (разовые контакты). Этот канал используется ими как в целях овладения русским языком, так и для получения социально значимой информации, например, о дополнительной работе, и даже для получения совета (респонденты охотно рассказывают о своих национальных традициях или проблемах). Знание русского языка для узбека, как и для любого иностранного мигранта, является главным инструментом повышения статуса и расширения кругозора. Анализ взятых нами в 2017 г. 20 интервью показал, что совершенствование русского языка ценится мигрантами, прожившими

в России от 4—5 лет и более [33]. Но источники дают основание и для другого предположения: формальные и неформальные практики коммуникации мигрантов с принимающим сообществом во многих случаях не создают комфортной социальной среды ни для первых, ни для вторых. Так, учёные из Новосибирского медицинского университета выяснили, что «каждый десятый мигрант страдает депрессией и аффективными расстройствами, которые чреваты агрессией к окружающим или суицидальными настроениями» [24]. Хотя многие учатся спокойно реагировать на реплики типа «понаехали»: «...Если со стороны посмотреть, этот человек хуже меня, поэтому я не обращаю внимания» (узбечка, 43 г.) [37, с. 31].

Социальный дискомфорт мигранты пытаются минимизировать за счёт поддержания отношений с этническими сородичами, проживающими в Приморье, и особенно — в Узбекистане. Несмотря на то, что эксперты отмечают низкий образовательный уровень приезжих, последние проявляют особую активность в использовании современных средств связи не только для общения с родными, но и с целью получения информации об условиях работы, культурных мероприятиях, например, о проведении праздничных акций. Все 20 респондентов используют What'sApp, в меньшей степени Skype. В XXI в. наблюдается смена способов этноформирующей миграционной коммуникации: традиционные медиа, традиционные общины и социальные институты замещаются новыми средствами коммуникации и новыми виртуальными социальными группами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на постсоветском пространстве российско-узбекские отношения в миграционной сфере характеризовались невысокой степенью институционального обеспечения, хотя законодательный уровень всё время повышался. Узбекские мигранты проявляли высокую активность в поисках работы в России, в том числе в Приморском крае, который был привлекательным для них по причине дефицита трудовых ресурсов на родине. Узбекский трудовой поток, учитывая и численный его рост, и степень теневой занятости, становился важнейшим источником формирования низшего слоя нового класса прекариата. В Приморье в классической форме пересекались два общества «социальной травмы», что создало особую зону накопления конфликтности. Исследование показало устойчивые признаки ситуации, при которой узбекские мигранты учились жить одновременно в двух сопредельных «мирах»: в чужом, где можно трудиться и заработать, получить образование, выучить русский язык, и в мире своей национальной культуры. Городское пространство Приморья, несмотря на проявление тенденций негативного отношения со стороны социума к их присутствию, было для них в целом территорией, где можно адаптироваться к правилам миграционного законодательства, к трудовым отношениям и бытовым условиям, опираясь на различные коммуникативные площадки и способы общения, каналы обратных связей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ващук А.С. Миграционные связи Дальнего Востока России с постсоветскими государствами в конце XX в. // Россия и АТР. 2003. № 2. С. 55—65.
2. Ващук А.С. Роль архивных источников в изучении истории российской приватизации // Архонт. 2018. № 3 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-arhivnyh-istochnikov-v-izuchenii-istorii-rossiyskoy-privatizatsii> (дата обращения: 10.03.2020).
3. Ващук А.С., Ермак Г.Г. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 117—124.
4. Ващук А.С., Шишкина О.Е. Законопослушность иностранных трудовых мигрантов Тихоокеанской России: опыт междисциплинарного характера // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. М.: ИНИОН РАН. 2017. Ч. 3. С. 97—102.
5. Винокурова А.В., Ардалянова А.Ю. Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки // Вестник Института социологии. 2016. № 16. С. 43—55.
6. Витковская Г.С. Новое миграционное законодательство России: либерализация в целях легализации // Новое миграционное законодательство Российской Федерации: правоприменительная практика / под ред. Г. Витковской, А. Платоновой, В. Школьниковой. М.: ИТ АдамантЪ, 2009. С. 19—36.
7. Власти Узбекистана уничтожают памятники героям Великой Отечественной // Livejournal: Блог Ramst11. URL: <https://ramst11.livejournal.com/1489456.html> (дата обращения: 25.01.2020).
8. Волосевич А. В Узбекистане исчезает «нарисованное» благополучие // AsiaTerra. URL: <http://www.asiaterra.info/economy/v-uzbekistane-ischezaet-narisovannoe-blagopoluchie> (дата обращения: 20.02.2020).
9. Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.
10. Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан. Ратифицирован постановлением Верховного Совета РФ от 9 октября 1992 года № 3606-1. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901064> (дата обращения: 15.01.2020).
11. Донец Е.В., Чудиновских О.С. Современные тенденции миграции в регионах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 4 (206). С. 88—94.
12. Ермак Г.Г. Культурное многообразие и миграция в Приморье // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 394—413.
13. Занданова О.Ф. Квотирование иностранной рабочей силы: региональный аспект // Вестник БГУ. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvotirovanie-inostrannoy-rabochey-sily-regionalnyy-aspekt> (дата обращения: 10.01.2020).
14. Ковалевская Ю.Н. «Ржавый пояс» Дальнего Востока России: специфика деиндустриализации в 1990—2010 гг. // Россия и АТР. 2020. № 1. С. 58—71.
15. Комарова О.Д., Тишков В.А. Миграция и миграционная политика // Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА, 1996. 238 с.
16. Косарева В.В. Развитие миграционного законодательства в России в XXI веке // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 1. С. 71—75.

17. Крушанова Л.А. Влияние реформ 1990-х годов на динамику трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 22. С. 57—75.
18. Максакова Л. Узбекистан в системе международной миграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. М.: НТ «АдамантЪ», 2009. С. 328—348.
19. Мищук С.Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 6. С. 1028—1040.
20. Мищук С.Н. Российско-китайское сотрудничество в сельском хозяйстве Дальнего Востока // Известия РАН. Серия Географ. 2016. № 1. С. 38—48.
21. Распоряжение Правительства РФ от 1 марта 2003 г. № 256-р «О Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 10. Ст. 923.
22. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Российской Федерации, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в Российской Федерации. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 28 июня 2009 года № 129-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902060103> (дата обращения: 05.02.2020).
23. Стратегия повышения благосостояния населения республики Узбекистан; полный документ стратегии на 2008—2010 года. Ташкент, 2007. URL: <http://programma.xpdf.ru/16ekonomika/223958-1-strategiya-povisheniya-blagosostoyaniya-naseleniya-respubliki-uzbekistan-polniy-dokument-strategii-2008-2010-goda-tashkent.php> (дата обращения: 16.02.2020).
24. Терентьев Д. Братские инородцы. Что мешает гастарбайтерам из бывшего СССР стать россиянами // Аргументы недели. 2016. № 47 (538). URL: <http://test.an-crimea.ru/toptheme/n567/475284> (дата обращения: 20.02.2020).
25. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
26. Труд и занятость населения в Приморском крае. 2009: стат. сб. Владивосток: Приморскстат, 2009. 81 с.
27. Трудовая миграция в Республике Узбекистан: стат. сб. Ташкент, 2008. 204 с.
28. Узбекистан просит у России льготы при вступлении в ЕАЭС и миграционную амнистию. Визит Мирзиёева запланирован на первую половину лета // Узбекистан—Россия: Диалог партнёров. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-rossiya-dialog-partnerov-/uzbekistan-prosit-u-rossii-igoty-pri-vstuplenii-v-eaes-i-migratsionnuyu-amnistiyyu-vizit-mirziyeva-z/> (дата обращения: 25.12.2019).
29. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
30. Федеральный закон от 31 мая 2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.
31. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6—16.
32. Ващук А.С. Интервью № 3 с респондентом из Узбекистана. Рынок на Спортивной, сентябрь 2019 г. // Арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН.
33. Материалы отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. 2001—2018 гг. // Арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН.
34. Обзоры по миграционной ситуации за 2015—2019 гг. // Арх. отдела этнографии, этнологии и антропологии ИИАЭ ДВО РАН.

35. Ответы УФМС по Приморскому краю на запросы ИИАЭ ДВО РАН 2012—2014гг. // Арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН.
36. Отчёт о проведении опроса по изучению общественного восприятия миграции и мигрантов жителями Приморского края в 2019 г. в рамках Сети этнологического мониторинга и РНЦ // Арх. отдела этнографии, этнологии и антропологии ИИАЭ ДВО РАН.
37. Отчёт по результатам проведения научно-исследовательских работ по мониторингу состояния межэтнических и межконфессиональных отношений в Приморском крае в 2017 г. Приморский научно-исследовательский центр социологии. Владивосток, 2017. 155 с. // Арх. отдела этнографии, этнологии и антропологии ИИАЭ ДВО РАН.

REFERENCES

1. Vashchuk A.S. Migratsionnye svyazi Dal'nego Vostoka Rossii s postsovetскими gosudarstvami v kontse XX v. [Migration Ties of the Russian Far East with Post-Soviet States at the End of the 20th Century]. *Rossiia i ATR*, 2003, no. 2, pp. 55—65. (In Russ.)
2. Vashchuk A.S. Rol' arkhivnykh istochnikov v izuchenii istorii rossiyskoy privatizatsii [The Role of Archival Sources in the Study of the History of Russian Privatization]. *Arkhot*, 2018, no. 3 (6). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-arhivnykh-istochnikov-v-izuchenii-istorii-rossiyskoy-privatizatsii> (accessed 10.03.2020). (In Russ.)
3. Vashchuk A.S., Ermak G.G. Prininmayushchee soobshchestvo i trudovye migranty na rossiyskom Dal'nem Vostoke: mezhdistsiplinarnyy analiz istoricheskoy situatsii nachala XXI v. [Host Community and Labor Migrants in the Russian Far East: an Interdisciplinary Analysis of the Historical Situation at the Beginning of the 21st Century]. *Regional'nye problemy*, 2016, vol. 19, no. 4, pp. 117—124. (In Russ.)
4. Vashchuk A.S., Shishkina O.E. Zakonoposlushnost' inostrannykh trudovykh migrantov tihookeanskoy Rossii: opyt mezhdistsiplinarnogo kharaktera [Law Abiding by Foreign Labor Migrants of Pacific Russia: an Interdisciplinary Experience]. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 12* [Russia: Trends and Prospects of Development Yearbook. Iss. 12]. Moscow, INION RAN Publ., 2017, part 3, pp. 97—102. (In Russ.)
5. Vinokurova A.V., Ardal'anova A.Yu. Migranty v Primor'e: mneniya, suzhdeniya, otsenki [Migrants in Primorye: Opinions, Judgments, Estimates]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 2016, no. 16, pp. 43—55. (In Russ.)
6. Vitkovskaya G. Novoe migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossii: liberalizatsiya v tsel'yakh legalizatsii [New Migration Legislation of Russia: Liberalization with a View to Legalization]. Ed. by G. Vitkovskaya, A. Platonova, V. Shkol'nikov. *Novoe migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: pravoprimeritel'naya praktika*, Moscow, IT Adamant Publ., 2009, pp. 19—36. (In Russ.)
7. Vlasti Uzbekistana unichtozhayut pamyatniki geroyam Velikoy Otechestvennoy [The Authorities of Uzbekistan Destroy Monuments to the Heroes of the Great Patriotic]. *Blog Ramst11. Livejournal*. Available at: <https://ramst11.livejournal.com/1489456.html> (accessed 25.01.2020). (In Russ.)
8. Volosevich A. V Uzbekistane ischezaet «narisovannoe» blagopoluchie [In Uzbekistan, "Painted" Well-Being Disappears]. *AsiaTerra*. Available at: <http://www.asiaterra.info/economy/v-uzbekistane-ischezaet-narisovannoe-blagopoluchie> (accessed 20.02.2020). (In Russ.)

9. *Vostok Rossii: migratsii i diasporiy v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vekov* [East of Russia: Migration and Diasporas in a Resettlement Society. The Boundaries of the 19—20 and 20—21 Centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011, 624 p. (In Russ.)
10. *Dogovor ob osnovakh mezhgosudarstvennykh otnosheniy, družbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsiei i Respublikoy Uzbekistan. Ratifitsirovan postanovleniem Verkhovnogo Soveta RF ot 9 oktyabrja 1992 № 3606-1* [Treaty on the Foundations of Interstate Relations, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Uzbekistan. Ratified by Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation on October 9, 1992 no. 3606-1]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1901064> (accessed 15.01.2020). (In Russ.)
11. Donets E.V., Chudinovskikh O.S. *Sovremennye tendentsii migratsii v regionakh dal'nevostochnogo federal'nogo okruga* [Modern Migration Trends in the Regions of the Far Eastern Federal District]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2017, no. 4 (206), pp. 88—94. (In Russ.)
12. Ermak G.G. *Kul'turnoe mnogoobrazie i migratsiya v Primor'e* [Cultural Diversity and Migration in Primorye]. *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika* [The Measurement of Cultural Diversity. Language Situation, Censuses, Field Ethnostatistics]. Ed. by M.Yu. Martynova, V.V. Stepanov. Moscow, IEA RAS Publ., 2019, pp. 394—413. (In Russ.)
13. Zandanova O.F. *Kvotirovanie inostrannoy rabochey sily: regional'nyy aspekt* [Quotation of Foreign Labor: Regional Aspect]. *Vestnik BGU*, 2014, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvotirovanie-inostrannoy-rabochey-sily-regionalnyy-aspekt> (accessed 10.01.2020). (In Russ.)
14. Kovalevskaya Yu.N. «Rzhavyy poyas» Dal'nego Vostoka Rossii: spetsifika deindustrializatsii v 1990—2010 gg. [“Rusty Belt” of the Russian Far East: the Specifics of Deindustrialization in 1990—2010]. *Rossiya i ATR*, 2020, no. 1, pp. 58—71. (In Russ.)
15. Komarova O.D., Tishkov V.A. *Migratsiya i migratsionnaya politika* [Migration and Migration Policy]. *Migratsii i novye diasporiy v postsovetskikh gosudarstvakh* [Migration and New Diasporas in Post-Soviet States]. Ed. by V.A. Tishkov. Moscow, IEA RAS Publ., 1996, 238 p. (In Russ.)
16. Kosareva V.V. *Razvitie migratsionnogo zakonodatel'stva v Rossii v XXI veke* [The Development of Migration Legislation in Russia in the 21 Century]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami*, 2016, no. 1, pp. 71—75. (In Russ.)
17. Krushanova L.A. *Vliyanie reform 1990-kh godov na dinamiku trudovykh resursov na Dal'nem Vostoke Rossii* [Influence of Reforms of the 1990s on the Dynamics of Labor Resources in the Russian Far East]. *Trudy IHAЕ FEB RAS*, 2019, vol. 22, pp. 57—75. (In Russ.)
18. Maksakova L. *Uzbekistan v sisteme mezhdunarodnoy migratsii* [Uzbekistan in the System of International Migration]. *Postsovetskie transformatsii: otrazhenie v migratsiyakh* [Post-Soviet Transformations: Reflection in Migrations]. Ed. by Zh.A. Zayonchkovskaya, G.S. Vitkovskaya. Moscow, NT «Adamant» Publ., 2009, pp. 328—348. (In Russ.)
19. Mishchuk S.N. *Realizatsiya sovremennoy migratsionnoy politiki na Dal'nem Vostoke Rossii: federal'nyy i regional'nyy aspekty* [The Implementation of Modern Migration Policy in the Russian Far East: Federal and Regional Aspects]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2018, vol. 16, no. 6, pp. 1028—1040. (In Russ.)
20. Mishchuk S.N. *Rossiysko-kitayskoe sotrudnichestvo v sel'skom hozyaystve Dal'nego Vostoka* [Russian-Chinese Cooperation in Agriculture of the Far East]. *Izv. RAS, ser. Geografiya*, 2016, no. 1, pp. 38—48. (In Russ.)
21. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 1 marta 2003 № 256-r «O Konceptsii regulirovaniya migratsionnykh protsessov v Rossiyskoy Federatsii»* [Decree of the Government

- of the Russian Federation of March 1, 2003 no. 256-r “On the Concept of Regulation of Migration Processes in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2003, no. 10, art. 923. (In Russ.)
22. *Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Uzbekistan o trudovoy deyatel'nosti i zashchite prav trudyashchikhsya — migrantov, yavlyayushchikhsya grazhdanami Rossiyskoy Federatsii, v Respublike Uzbekistan i trudyashchikhsya-migrantov, yavlyayushchikhsya grazhdanami Respubliki Uzbekistan, v Rossiyskoy Federatsii Ratifitsirovano Federal'nyim zakonom RF ot 28 iyunya 2009 № 129-FZ* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on Labor Activities and the Protection of the Rights of Migrant Workers Who Are Citizens of the Russian Federation in the Republic of Uzbekistan and Migrant Workers Who Are Citizens of the Republic of Uzbekistan in the Russian Federation Ratified by the Federal Law of the Russian Federation of June 28, 2009 no. 129-FZ]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902060103> (accessed 05.02.2020). (In Russ.)
 23. *Strategiya povysheniya blagosostoyaniya naseleniya respubliki Uzbekistan, polnyy document strategii na 2008—2010 goda* [The Strategy to Improve the Welfare of the Population of the Republic of Uzbekistan, a Complete Strategy Document for 2008—2010]. Tashkent, 2007. Available at: <http://programma.x-pdf.ru/16ekonomika/223958-1-strategiya-povisheniya-blagosostoyaniya-naseleniya-respubliki-uzbekistan-polniy-dokument-strategii-2008-2010-goda-tashkent.php> (accessed 16.02.2020). (In Russ.)
 24. Terent'ev D. Bratskie inorodtsy. Chto meshaet gastarbayteram iz byvshego SSSR stat' rossiyanami [Brotherly Foreigners. What Prevents Migrant Workers from the Former USSR from Becoming Russians]. *Argumenty nedeli*, 2016, no. 47 (538). Available at: <http://test.an-crimea.ru/toptheme/n567/475284> (accessed 20.02.2020). (In Russ.)
 25. Toshchenko Zh.T. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat: from Proletariat to New Class]. Moscow, Nauka Publ., 2018, 350 p. (In Russ.)
 26. *Trud i zanyatost' naseleniya v Primorskom krae. 2009* [Labor and Employment in the Primorsky Territory. 2009]. Vladivostok, Primorskstat Publ., 2009, 81 p. (In Russ.)
 27. *Trudovaya migratsiya v Respublike Uzbekistan* [Labor Migration in the Republic of Uzbekistan]. Ed. by E.V. Abdullaev. Tashkent, 2008, 204 p. (In Russ.)
 28. Uzbekistan prosit u Rossii l'goty pri vstuplenii v EAYeS i migratsionnyu amnistiyyu. Vizit Mirziyoeva zaplanirovan na pervuyu polovinu leta [Uzbekistan Asks Russia for Benefits When Joining the EAEU and a Migration Amnesty. Mirziyoyev's Visit is Planned for the First Half of Summer]. *Uzbekistan—Rossiya: Dialog partnerov*. Available at: <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-rossiya-dialog-partnerov/uzbekistan-prosit-u-rossii-lgoty-pri-vstuplenii-v-eaes-i-migratsionnyu-amnistiyyu-vizit-mirziyeeva-z/> (accessed 25.12.2019). (In Russ.)
 29. Federal'nyy zakon ot 25 iyulya 2002 № 115-FZ «O pravovom polozhenii i inostrannykh grazhdan v RF» [Federal Law of July 25, 2002 no. 115-FZ “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2002, no. 30, art. 3032. (In Russ.)
 30. Federal'nyy zakon ot 31 maya 2002 № 62-FZ «O grazhdanstve Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of May 31, 2002 no. 62-FZ “On Citizenship of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2002, no. 22, art. 2031. (In Russ.)
 31. Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social Change as an Injury]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2001, no. 1, pp. 6—16. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 17.03.2020